

Свердловск

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСКУССТВЕННОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В марксистско-ленинском учении о диалектике категории естественного и искусственного применительно к сфере человеческой деятельности противопоставлены как «стихийное, произвольное» и «сознательно (технически) приготовленное человеком из «естественного» в своих интересах, применительно к своим потребностям» [1]. «Искусственное не есть что-то сверхъестественное, оно есть то же самое «естественное», но измененное согласно присущим ему законам, причем измененное не случайно, бессознательно, а с заранее поставленной человеком целью» [2].

Определение созидательной, творческой роли человеческого сознания в преобразовании действительности, ставшее одним из важных направлений методологии современной науки, представляет и актуальный аспект лингвистических исследований [3]. В этой связи существенное значение приобретает рассмотрение сознательного участия человека в формировании лексической системы языка и связанная с ним проблема разграничения искусственной и естественной номинации. Эта проблема осваивается в области изучения нарицательной лексики (и в частности — терминологии), но наиболее последовательно и подробно — в ономастике, где накоплен обширный, требующий своего осмысления материал и остро ощущается необходимость регламентации авторского имятворчества [4]. В статье предпринята попытка уточнить критерии разграничения естественной и искусственной номинации и охарактеризовать наиболее общие особенности развития искусственной номинации в топонимии.

Существующие в настоящее время толкования терминов «естественная» и «искусственная» номинация далеки от единства, хотя тесную связь искусственного и естественного названия с категориями стихийного и сознательного в языке подчеркивает большинство исследователей проблемы [5], признавая вместе с тем необходимость поиска дополнительных критериев разграничения двух типов номинационной деятельности. В качестве таковых предлагаются специфичное для каждого типа соотношение субъективных и объективных факторов при наречении [6], а также такие особенности естественного и искусственного обозначения, как следование сложившимся закономерностям названия и нарушение их канон [7], системность и асистемность [8], обоснованность и произвольность [9]. Каждое из перечисленных противопоставлений

в известной степени справедливо, однако во всех случаях речь идет фактически о последствиях, предопределенных спецификой обстоятельности осуществления номинации, а не о собственно критериях разграничения двух процессов.

Определяя свою позицию, автор, во-первых, исходил из расширенного понимания термина «лексическая номинация», соотнося с ним появление новых единиц в лексической системе языка [10], во-вторых, обратился к рассмотрению функционального аспекта номинативной деятельности, что предполагало выявление специфики адресации, адресно-целевого назначения номинации. На этом основании в естественную и искусственную номинацию включаются не только разные виды речемыслительной деятельности, но и разные пути узуализации созданных на речевом уровне номинативных единиц. Истоки такого рассмотрения были намечены в работе А. К. Матвеева «Топономастика и современность», где среди характеризующих черт естественной номинации названы «обязательная апробация народным опытом» и «коллективность номинации с точки зрения сегодняшнего дня» [11]. Значение этапа, следующего за актом речевой номинации, отмечает и Н. П. Ульянова, выделившая в качестве одного из показателей искусственной номинации «управляемость апробации» [12].

Таким образом, целесообразно относить к естественной номинации не только факт стихийного речевого обозначения какого-либо фрагмента действительности, но и стихийное принятие созданной номинативной единицы системой языка, а к искусственной — акт целеполагающего наречения и одновременное с ним направленное введение названия в общественный лексикон.

Уяснение специфики естественного и искусственного названия требует обращения к ситуации называния, под которой понимается «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего и в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [13]. Типичная модель ситуации называния складывается из отношений номинатора и адресата; номинатора и номината (объекта называния), номинатора и номинантов (используемых обозначений), адресата и номината [14]. Рассмотрение указанных отношений применительно к естественной номинации позволило сделать следующие выводы:

1. Называние производится в процессе речевого общения, необходимым участником которого выступает конкретный адресат.

2. Номинативную установку, возникающую у говорящего в акте речевой коммуникации, можно отнести к разряду смысловых установок или «форм выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности» [15]. Основными слагаемыми номинативной установки

в ситуации речевого названия выступают потребность в вербальном обозначении денотата, ситуация коммуникации и необходимые для осуществления номинации операционные возможности — модели языкового обозначения. И если речевая номинация «в виде замедленной съемки» может быть представлена как поиск наиболее точного слова или его эквивалента [16], то направление в этом поиске будет определяться тем смысловым подтекстом, который сопровождает конкретные обстоятельства номинативной деятельности.

3. Называющий учитывает степень информированности адресата о свойствах называемого объекта и потому стремится выделить и представить в названии наиболее информативные из них, те, которые способствовали бы наиболее точному определению объекта и предоставляли бы возможность идентификации реалии адресатом. Это объясняет характерное для естественной номинации «стремление создать мотивированное (обусловленное понятийным содержанием) название объекта» [17].

4. Закрепление мотивировочного признака в окончательном варианте названия подтверждает объективную существенность данного признака как для называющего, так и для адресата. «В языковом коллективе отбор признаков объекта носит общественный характер, он закрепляется установкой, приводящей к тому, что и в других случаях отбираются сходные признаки» [18].

5. Узуализация номинативной единицы осуществляется при многократном внешнеречевом ее употреблении в результате апробирования стихийным народным опытом.

Итак, естественная номинация представляет собой процесс стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации.

В ситуации искусственной номинации модель приобретает иной характер, определяющийся следующими параметрами:

1. Адресат — языковой коллектив в целом.

2. Специфика деятельности человеческого сознания предполагает актуализацию номинативной целеустановки. Цель номинации, будучи представлена в виде образа осознаваемого, предвидимого результата, мобилизует номинатора на ее достижение, воздействует на восприятие и ракурсы представления объекта в названии.

3. Индивидуальный характер словотворчества увеличивает долю воздействия на номинацию субъективных и личностных факторов: «отсутствие слушающего снимает некоторые ограничения с речи говорящего и тем самым позволяет резче проявиться его индивидуальности, не контролируемой в данном случае коллективом» [19].

4. Номинатор с большей или меньшей степенью осознанности стремится предопределить восприятие реалии адресатом при дальнейшем использовании имени. Этим объясняется появление искус-

ственных названий с особыми эстетическими и рекламными функциями, причем в отдельных случаях номинатора привлекают лишь внешние свойства используемой для названия словесной оболочки: необычность, звуковая экспрессия. Например „*Chibbly Cherry*“ («Чиббли вишня» — десерт, *чиббли* — выдуманное слово); „*Strambly Strawberry*“ («Стрэмбли земляника» — десерт, *стрэмбли* — выдуманное слово) [20]; ВИА «*Аквариум*», чистящее средство «*Тартарен*», залив *Транскрипция* (Антарктика) и др.

5. Модификация языкового материала и выбор окончательного варианта осуществляются обычно на уровне внутренней речи субъекта.

6. Узуализация искусственно созданного имени — волевой акт, сопровождаемый, как правило, письменной фиксацией названия [21].

Таким образом, искусственная номинация — осознанный и целенаправленный номинативный акт, ориентированный на априорную узуализацию созданной номинативной единицы.

С точки зрения содержания корреляция естественного и искусственного названия базируется на противопоставлении процессов стихийного появления в языке новых единиц актам их целенаправленного и рационального производства.

В функциональном аспекте естественная и искусственная номинация могут быть сопоставлены как две формы узуализации: «снизу» — путем апробации номинативной единицы в речевых актах, сопровождающейся конкуренцией вариантов, оценкой и выбором оптимального из них общественно-языковым опытом; и «сверху» — путем направленного включения авторски созданной номинативной единицы в систему языка.

Общественная воспроизводимость, возникающая естественным образом, предполагает путь от первого использования индивидуально созданной номинативной единицы через передачу, запоминание, усвоение и подтверждение ее разными коммуникантами — к закреплению в системе общего языка.

Интенсифицированный, сознательно сокращенный путь выработки у номинативной единицы свойства общественной воспроизводимости сводит этап речевой апробации к минимуму, совмещает его с актом номинации. Искусственное наречение производит единицы, предназначенные для того, чтобы в дальнейшем их использовали все члены языкового коллектива. Иными словами, говорящий создает название с той целью, чтобы другие члены языкового социума именно так, а не иначе именовали обозначенную реальность.

В формальном отношении естественную номинацию можно представить как результат многократно исполненных номинативных актов, каждый из которых исходит от конкретного номинатора и направлен к конкретному адресату, который в последующем коммуни-

кативном акте выступает уже в роли носителя произведенной единицы. «В сознании слушателя перевод лексической единицы в языковую ... состоит в запоминании этой лексической единицы как таковой, вне контекста. При этом слушатель усваивает лексическую единицу и может ее в любой момент использовать в своей речи. Так у слова возникает общественная воспроизводимость, и оно входит в состав языка» [22]. Искусственная же номинация — единовременный целеполагающий номинативный акт, исполнителем которого является конкретный номинатор, а адресатом (в широком смысле) — весь языковой коллектив.

В гносеологическом аспекте естественная и искусственная номинация могут быть сопоставлены как две разновидности языко-творческой деятельности человеческого сознания.

1. Они обладают единым источником происхождения, но естественная — первична и создает необходимые предпосылки для возникновения искусственной.

2. Естественная и искусственная номинация связаны общностью используемого языкового материала. Модели естественной номинации не отвергаются, а, напротив, сохраняются искусственной, включаются в ее активный инвентарь. Вместе с тем искусственная номинация вырабатывает свои традиции в приемах и принципах обозначения. И если в естественной номинации в целом преобладает влияние объективных факторов в силу стихийного следования сложившимся закономерностям обозначения, то искусственное название не избавлено от произвола номинатора-индивидуума: здесь сказывается «неполнота отражения языка в индивидуальном языковом чутье — результат того, что языковой опыт отдельного говорящего не может охватить сумму опыта языкового коллектива в целом» [23].

3. Естественная и искусственная номинация объединены в функционально-целевом назначении — производстве единиц языкового фонда, обслуживающего запросы конкретного языкового коллектива, однако они не совпадают по направлениям эволюции: естественная развивается в направлении обеспечения целесообразности языкового обозначения, искусственная же — как результат сознательного имитаторства — имеет тенденцию к максимальному удовлетворению нужд практики и формированию «искусственной» целесообразности. В отношении топонимического наречения это подтверждается наблюдениями В. Н. Кускова: «Если местное население дает названия выборочно, то при геологических, географических и прочих исследованиях названия получают все обнаруженные объекты, в количестве, зависящем от степени подробности исследования. Нередко новое появляется в тех местах, где никто не живет, и значит, никто не будет ими пользоваться в течение какого-то времени. Местное население в таких случаях... и не узнает о новых словах, а если узнает, то быстро забывает, но топонимы

такого рода обязательно оказываются закрепленными на картах, что обеспечивает их дальнейшую сохранность» [24].

Искусственное название обычно связывают с появлением верхнего, наиболее молодого слоя топонимии [25], хотя существует по этому поводу и иная точка зрения [26]. Пока не представляется возможным судить о том, насколько глубоки корни у искусственного топонимического наречения. Однако безусловно то, что этот процесс с разной скоростью включал в поле своего действия отдельные виды объектов (природные и созданные руками человека) и неравномерно распространялся на разных территориях и у разных народов.

Так, в XV—XVI вв., в пору владычества католической церкви, испанские мореплаватели названия всех открываемых ими географических объектов производили от имени святого или названия праздника, совпадающего с днем открытия по церковному календарю: р. *Святого Лаврентия*, о-в *Тринидад* (т. е. остров Троицы) [27]. На Дальнем Востоке обычай придумывать названия географическим объектам появился лишь в середине XVIII в., во времена Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, до этого названия возникали самопроизвольно [28]. В русской ойконимии искусственные названия, будучи единичными вкраплениями в XVIII—XIX вв., становятся массовым явлением в XX в. [29].

Фронтальное изучение земной поверхности, выделение новых видов топонимических реалий, массовое производство искусственных сооружений вызвало насущную потребность в ускоренном, интенсифицированном способе выработки географических имен. Прогресс техники и научного знания позволил увидеть территории, прежде недоступные человеку, — поверхность Луны, Марса, Венеры, подводный рельеф акватории Мирового Океана. Обозначение этих топонимических фрагментов стало монополией искусственной номинации.

Распространению ее способствовало и развитие картографии, эволюция карты как письменного источника, представляющего содержание и форму топонима. Не случайно именно искусственное название составило основу давнего картографического курьеза. Датский картограф на итальянской службе Клавдий Клавус в 1424—1427 гг. составлял карты северных стран. Там, где названия были ему неизвестны, он давал свои собственные. Для обозначения бухт по берегам Северного моря он использовал латинские порядковые числительные, в Исландии дал мысам и рекам названия рунических букв, в Норвегии топонимами стали бессмысленные слова (по-видимому, из детской считалки), а в Гренландии — все подряд слова народной песенки [30].

Внутренняя эволюция самого процесса искусственного наречения в топонимии обусловлена как собственно языковым развитием — изменениями лексического состава языка и фонда словооб-

разовательных средств, так и общественно-историческими процессами — изменением социально-экономических условий, мировоззрения, общественной психологии, культурно-ценностной ориентации.

Для общей характеристики искусственной номинации в разные исторические периоды можно назвать постоянные показатели. Неизменным является целеполагающий и осознанный характер номинативной деятельности, изменения затрагивают уровень языкового опыта называющих и специфику частно-смысловых установок. Последние нередко обусловлены меной политических или эстетических идеалов. Вот почему искусственную номинацию характеризует особо выраженная социальная ориентация: периоды появления массовых переименований обычно совпадают с эпохами коренных общественных преобразований.

Внимание исследователей обычно привлекает та часть искусственной топонимии, которая контрастно отличается от естественной, и различные свойства этих имен: произвольность, слабая обусловленность топонимическим содержанием [31], ярко выраженная социально-идеологическая направленность [32], манерность, вычурность [33] или, напротив, высокие эстетико-художественные возможности [34]. Но искусственная номинация нередко использует и устойчивые, испытанные временем традиции естественного названия [35]. Очевидно, определение номинативных моделей и их продуктивности в разные исторические периоды может прояснить особенности эволюции искусственной топонимической номинации.

Итак, противопоставление естественной и искусственной номинации тесно связано с дихотомией языка и речи. Естественная и искусственная номинация могут быть противопоставлены в содержательном, формальном и функциональном аспектах. В гносеологическом аспекте это две разновидности номинативной деятельности, взаимодействие которых определяет развитие лексической номинации.

Развитие искусственной номинации, расширение сферы ее применения — закономерное следствие прогресса человеческой знаний, увеличения роли сознательного воздействия человека на стихийно протекающие процессы языковой эволюции.

В настоящее время все виды географических объектов (как природных, так и созданных руками человека) подвержены искусственному наречению, а перспектива его неизбежного роста заставляет оценивать это явление как объективную данность, специфику которой невозможно игнорировать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Абдылдаев Т. А., Бакаев А. К.* Соотношение естественного и искусственного в условиях научно-технической революции. Фрунзе, 1983. С. 195.

² *Кедров Б. М.* «Естественное» и «искусственное» в познании и деятельности человека // *Вопр. философии.* 1958. № 11. С. 31.

³ См.: *Абаев В. И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинград и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 232—262; *Бахман К. П.* К проблеме соотношения стихийных и целенаправленных процессов в языке // *Вопр. языкознания.* 1965. № 3. С. 131—136.

⁴ См.: *Суперанская А. В.* Ономастическая стандартизация: Допустимость. Возможности. Ограничения // *Восточнославянская ономастика.* М., 1979. С. 85—88.

⁵ См.: *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1977. С. 161—164; *Матвеев А. К.* Топономастика и современность // *Вопросы ономастики.* Свердловск, 1974. Вып. 8—9. С. 4—14; *Голев Н. Д.* Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Там же. С. 88—97; *Ульянова Н. П.* Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 41, 50 и след.; *Копочева В. В.* Соотношение естественной и искусственной номинации: (на материале названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. С. 48; *Комарова З. И.* О некоторых закономерностях «искусственной» номинации // *Вопросы ономастики.* Свердловск, 1979. Вып. 13. С. 116—121; и др.

⁶ См.: *Голев Н. Д.* Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // *Вопросы ономастики.* Свердловск, 1974. Вып. 8—9. С. 88—97; *Копочева В. В.* Соотношение естественной и искусственной номинации... С. 40.

⁷ См.: *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 63—64; *Суперанская А. В.* Ономастическая стандартизация... С. 85; *Теория и методика ономастических исследований.* М., 1986. С. 142.

⁸ См.: *Воробьева И. А.* Некоторые вопросы ономастического аспекта топонимического словообразования // *Ономастическое и диалектное словообразование Алтая.* Барнаул, 1985. С. 12.

⁹ См.: *Беленькая В. Д.* Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969. С. 7.

¹⁰ См.: *Журавлев А. П.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Способы номинации в современном русском языке.* М., 1982. С. 46.

¹¹ *Матвеев А. К.* Топономастика и современность. С. 11.

¹² *Ульянова Н. П.* Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования... С. 50.

¹³ *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация // *Проблемы структурной лингвистики.* 1972. М., 1973. С. 358.

¹⁴ См.: *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // *Языковая номинация: Общие вопросы.* М., 1977. С. 242. Отметим, что к естественной номинации эта модель применяется в известной степени условно, так как по конечному результату практически невозможно провести четкую грань между исходной номинацией и последующим процессом узуализации.

¹⁵ *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979. С. 63.

¹⁶ *Никитевич В. Н.* Основы номинативной деривации. Минск, 1985. С. 9.

¹⁷ *Голев Н. Д.* Естественная номинация объектов природы... С. 90.

¹⁸ *Гак В. Г.* К диалектике семантических отношений в языке // *Принципы и методы семантических исследований.* М., 1976. С. 78.

¹⁹ *Клименко А. П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970. С. 8.

²⁰ См.: *Комолова З. П.* Значение и мотивировочные признаки прагмонимов // *Принципы и методы лексико-грамматических исследований: Крат. содерж. докл.*

1-го межфак. семинара аспирантов-языковедов, 24—26 янв. 1972 г. Л., 1972. Ч. 2. С. 140.

²¹ Не случайно искусственную номинацию чаще всего связывают со сферой официального наречения; см., напр.: *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. С. 163.

²² *Торопцев И. С.* Язык и речь. Воронеж, 1985. С. 169.

²³ *Шварцкопф В. С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 278.

²⁴ *Кусков В. Н.* Топонимия Камчатки: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. С. 82.

²⁵ См.: *Селищев А. М.* Из старой и новой топонимики // Избр. тр. М.; Л., 1968. С. 46—69; *Попов А. И.* География в названиях. М.; Л., 1965. С. 23; *Толстой Н. И.* Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. М., 1964. С. 109; *Поспелов Е. М.* Оронимия СССР: Состояние и проблемы // Оронимика. М., 1968.

²⁶ См.: *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. С. 160—164.

²⁷ См.: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 4.

²⁸ См.: *Полевой Б. П.* По поводу некоторых новых гипотез о происхождении названия «Камчатка» // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 40—43.

²⁹ См.: *Горбаневский М. В.* Лексико-семантический и словообразовательный анализ русской ойконимии: (междуречье рек Оки, Москвы и Нары): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 104—110.

³⁰ См.: *Обручев С. В.* Русские поморы на Шпицбергене в XV в. М., 1964. С. 132—133.

³¹ См.: *Мурзаев Э. Д.* География в названиях. М., 1979. С. 180.

³² См.: *Беленькая В. Д.* Топонимы в составе лексической системы языка. С. 26; *Морозова М. И.* Топонимия Орловской области // Топонимия Центральной России: Вопросы географии. М., 1974. С. 89.

³³ См.: *Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В.* Топонимия Москвы. М., 1982. С. 43—45.

³⁴ См.: *Ткачук В. И.* К вопросу о мотивировке новых собственных названий // Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1973. Вып. 3. С. 39—43.

³⁵ См.: *Воробьева И. А.* Некоторые вопросы ономаσιологического аспекта топонимического словообразования. С. 18.

А. К. Матвеев

Свердловск

В РОЛИ СОЗДАТЕЛЯ ТОПОНИМОВ

Статья продолжает серию публикаций, посвященных условной топонимической системе, сложившейся в группе охотников-любителей за двадцать лет совместного освоения охотничьего угодья. Общая характеристика этой системы, обстоятельства ее возникновения, состав группы, территория, на которой используется систе-